

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.2>

ФУНКЦИИ АСТРОНИМОВ В БУРЯТСКОЙ ПОЭЗИИ

Научная статья

Тагарова Т.Б.^{1,*}, Баларьева Т.Б.²

² ORCID : 0000-0002-6362-7033;

^{1,2} Иркутский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (boroevna[at]yandex.ru)

Аннотация

Издревле люди обращались к небесным телам в повседневной жизни, определяя время, погоду, ориентируясь по звездному небу в пространстве. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью особенностей функционирования названий космических тел в поэтическом тексте в монголоведении. Ранее в бурятской лингвистике не был представлен опыт рассмотрения их мифологической основы, широких возможностей данных онимов в качестве стилистических средств.

Звезды, планеты воспринимаются как некие могущественные существа, а также и как близкие друзья. Солнце Наран, Луна хара, Полярная звезда Алтан гадахан и др. постоянные спутники человека во всех жизненных ситуациях. Лирический герой обращается к ним в трудные моменты жизни за поддержкой и в романтических ситуациях. Авторы используют астронимы и в философском аспекте.

Ключевые слова: бурятский язык, поэзия, астроним, мифологема.

FUNCTIONS OF ASTRONYMS IN BURYAT POETRY

Research article

Tagarova T.B.^{1,*}, Balareva T.B.²

² ORCID : 0000-0002-6362-7033;

^{1,2} Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

* Corresponding author (boroevna[at]yandex.ru)

Abstract

Since ancient times people have been turning to celestial bodies in everyday life, determining time, weather, navigating by the starry sky in space. The relevance of the research is due to the lack of study of the specifics of functioning of the names of cosmic bodies in a poetic text in Mongolian studies. Previously, Buryat linguistics has not offered the experience of considering their mythological basis, the broad possibilities of these onyms as stylistic means.

Stars, planets are perceived as some powerful beings, as well as close friends. Sun Naran, Moon hapa, Polar Star Altan гадахан and others are constant companions in all life situations. The lyrical hero turns to them in difficult moments of life for support, as well as in romantic situations. The authors also use astronyms in the philosophical aspect.

Keywords: Buryat language, poetry, astronym, mythologem.

Введение

Писатели вкладывают в названия космических тел символические значения, мифологическую образность и выражают менталитет и мироощущение людей с древних времен.

Цель данной статьи: выявить мифологическую основу видения астронимов в поэтических образцах, отражение опыта освоения человеком окружающего мира, показать функции астронимов как мифологем, т.е. языковых единиц в лингвокультурологическом плане. Можно отметить многофункциональность астронимов, которые выполняют и стилистические функции.

Источником материала послужили поэтические сборники бурятских авторов, фразеологический словарь бурятского языка (2014).

Объектом нашего исследования выступают астронимы в бурятских поэтических текстах. Предметом данного исследования является специфика функционирования астронимов в художественном тексте как лингвокультурем и стилистических средств.

Методы и принципы исследования

В процессе анализа бытования астронимов в тексте использовались контекстуальный, семантико-стилистический, лингвокультурологический методы.

Основные результаты

В мифологическом мировоззрении заложено первичное практическое знание человека о мире. В глубокой древности бурят-монголам были известны созвездия-космонимы Большая Медведица, Плеяды, Орион, астронимы Солнце, Полярная звезда, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн и спутник Земли – Луна. Очевидно, многие из тибетских заимствованных слов, терминов (возможно, ранее пришедших из санскрита), были восприняты в XVII-XVIII вв., когда сложилась классическая форма монгольского языка, появилось исправленное ксилографическое издание Канджура (1720).

Дни недели назывались астронимами не только тибетского происхождения, но и бурят-монгольского: Луна – тиб. *Дабаа*, бур. *hapa* – понедельник; Марс – тиб. *Мягмар* // бур. *Улааннүдэн* – вторник (букв. красный глаз); Меркурий – тиб. *Пагба*, бур. *Улэмжэ* – среда; Юпитер – тиб. *Пүрбэ* – четверг; Венера – тиб. *Баасан* – пятница или бур. *Солбон Одон* // *Солбоной Туяа* – Утренняя Звезда // Утреннее Сияние, бур. *Үүрэй Солбон* – Утренняя Заря; Сатурн – тиб. *Бимба* – суббота; Солнце – тиб. *Нима*, бур. *Наран* – воскресенье.

Бурятские онимы заключают в себе определенную семантику, отражающую специфическую образность. Например, астроним со структурой именного словосочетания из прилагательного и существительного *Улаан нүдэн* означает ‘красный глаз’. По-видимому, эта лингвокультурема отражает восприятие планеты Марс в виде красной точки.

Наименование Венеры имеет несколько вариантов в бурятском языке: *Солбон Одон* Утренняя Звезда [5, С. 390], *Солбоной Туяа* Утреннее Сияние, *Үүрэй Солбон* – Утренняя Заря. Последние два словосочетания в словаре отсутствуют в этом значении, хотя бытуют в устной речи бурят. В указанном словаре лексеме *туяа* даются эквиваленты ‘луч света’, ‘сияние’ [5, С. 440]. Наричательное слово *үүр* передает значение ‘утренняя заря’, ‘рассвет’ [5, С. 517]. Есть омоним ‘гнездо’. Нет сомнения в том, что у бурят издревле наименование Венеры ассоциировалось с рассветом, сиянием, зарей.

Наричательное слово *солбон* отмечается в данном словаре как многозначное:

1. прыть, бойкость, проворство, живость;
2. атр. прыткий, ловкий, проворный; бодрый, живой, энергичный и т.д.

Отдельная статья помещается к слову *Солбон* (г) *астр.* Венера, Утренняя звезда; *Солбон одон* (букв. звезда) планета Венера [5, С. 390].

Можно предположить, что оним *Солбон* ‘Венера’ был принят из тюркских языков монгольскими языками. Известно, что в тюркских языках Венера именуется *Чулпан*, *Шолпан* и т.д. в значении ‘утренняя звезда’. Ср.: халха-монгольское *Цолмон* – Венера, калм. *Цолвн* с равнозначной семантикой.

Отметим, что Венера *Солбон* встречается и в разговорном, и в художественном стиле бурятского языка. Остальные астронимы, легшие в основу наименований дней недели, встречаются в основном в художественных произведениях.

Дабаа в значении ‘понедельник’ в указанном словаре не имеет своей словарной статьи. А бурятская лексема *дабаа* в значении ‘перевал’, очевидно, является омонимом по отношению к тиб. *дабаа*, не имеет семантической связи с ним. Слово *hapa* в разговорном употреблении и в книжном стиле не несет значения ‘понедельник’. *hapa* – это астроним ‘луна’, ‘месяц’, а также календарный термин, означающий отрезок времени в тридцать или тридцать один день. По-видимому, для обозначения дня недели тибетское слово *дабаа* ‘луна’ было переведено на бурятский язык в этом же значении. Упомянем, что наименования дней недели буряты заимствовали из русского языка и активно используют в речи.

По бурятским поверьям, Полярная звезда *Алтан гадаһан* (Золотой кол) – именное словосочетание, состоящее из существительных ‘золото’ и ‘кол’ – ТТ) – это «небесная коновязь, изготовленная девятью мудрыми кузнецами, или камень, закрывающий отверстие в небе (если его вынуть, вода зальёт землю), вершина мирового столба или мировой горы» [9, С. 687]. *Алтан* ‘золотой’ выступает в роли эпитета, определяя яркость звезды. Отметим, что в бурятском языке существительные, обозначающие вещества, материал, могут выполнять синтаксическую функцию определения (например, *түмэр зам* железная дорога, где *түмэр* – *железо* и т.д.).

В названии Полярной звезды отражаются мотивы общемонгольской астральной мифологии – о центре неба, вокруг которого вращается Вселенная [2, С. 155–156].

Наиболее почитаемой наряду с созвездием Большая медведица *Долоон үбгэд* Семь старцев или *Долоон бурхан* Семь божеств была Венера *Солбон* – божество антропоморфное, покровитель лошадей, с арканом в руке [18, С. 293].

Черты мифологического сознания наиболее ярко отражаются в поэтических строках, передающих психологическое состояние лирического героя в ожидании катаклизмов, несчастий, связанных с лунным затмением:

Тэнгэри ходол улайха. / Һара наран хиртэжэ, / Һанаа сэдхэл зобоохо [16, С. 45]. – Когда небо краснеет, / Луна и солнце в затмении, / Мучается душа (пер. ТТ).

В строках одновременное затмение луны и солнца усиливает экспрессивность контекста, говорящего об угнетенном психологическом состоянии героя от предзнаменования несчастья.

Хүйтэнһарал ха зүгөөр, / - Хүрээтээд байна, манатай! / Урданай хүнэй үгөөр, / Уршагтай байха, зудтай [7, С. 225]. – Луна холодна, / В тумане, кольцом окружена! / В старину говорили, / Неудачи будут, бескормица (пер. ТТ).

В контексте предстает образ холодной луны в ореоле гало и предостережение о грядущих суровых напастях, ненастьях. Здесь астронимы способствуют выражению отрицательно-оценочной коннотации, реализуя экспрессивную часть семантики.

В стихотворении Ц-Д. Дондогой «Нарамни, дулаасуул!» (Солнце мое, согрей!) передается очень личное, проникновенное обращение к солнцу, утверждается, что жизнь человека на земле в руках солнца. Стихотворение по интонации приближается к молитве.

Наран. Наартайхан элцээрээ намаяа шарахадаа: / Наһамни шиниш гарта баран! / «Нагшагар халуун!» гээд гүйхэлби, / Наратайда / «Хүйтэн!» гэдэгби гонгилзон. / Нарамни, хүлисэ: бишни тогтууригүйхэнби. / Нарамни, хүлисөөрэй эхэнэрэй аяг зан [7, С. 233]. – Солнце, когда ты греешь меня своими приятными лучами / Жизнь моя вся в твоих руках! / То я капризничаю: «Слишком жарко!», / То я в солнечный день стону: «Холодно!». / Солнце мое, прости непостоянство мое. / Солнце мое, прости мой женский нрав (пер. ТТ).

Обращение к солнцу приобретает глубоко интимный характер, лирическая героиня просит прощения у Солнца за свой непостоянный женский характер. Так, астронимы выполняют стилистическую функцию – выражают эмоционально-экспрессивную оценочность.

Очевидно, что апеллятивная функция астронима Солнце *Наран* в роли обращения в стихотворении совмещается с такой стилистической функцией, как олицетворение. Словно к живому существу, лирический герой обращается с побуждением к тем или иным действиям: *Манан хүшэгые хэтэлэн, / Мандьш, Наран, / Мандалта юртэмсье нэбтэлэн! / ...Харанхы хүни, дэгдэ, / Халюун дэлхэйһээ дэгдэ!* [6, С. 38]. – Сквозь завесу тумана / Здравствуй, Солнце, / Сквозь вселенную-алтарь! / Темной ночью взлетай, / Над привольной землей вознесись!.. (пер. ТТ).

Образ звезды *Наран* традиционно связан с бурятскими ритуалами и обрядами. Так, юноши, провожая гостей на конях, должны были успеть пересечь им дорогу, что предвещало им удачу, успех. Астроним *Наран* сочетает в себе и роль метафоры в ФЕ *нара буляаха* – перехватить удачу (букв. солнце отобрать), и роль мифологемы: солнце – главная ценность, источник жизни на земле. Это общечеловеческая универсалия. Описание этого ритуала встречается в прозе Х. Намсараева, Ч. Цыдендамбаева, в поэзии Н. Дамдинова, В. Петонова и др. [14, С. 177-188].

Фразеологизм *нара буляаха* (букв. солнце отбирать) несет в себе информацию и о ритуале, и об ожидаемой удаче, а также оказывает эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя, побуждая к победе. Этому способствует повтор слова *наран*, глаголы прошедшего времени *хухалааш, буляагааш* совершенном виде, финитное сказуемое в форме будущего времени с интонацией уверенности в неизбежной победе: *Нэрыень хухалааш, / Нарыень буляагааш - Нара булялдаанда шажга гарахалши!* [17, С. 202-203].

Отмечается мифологический мотив первотворенья в стихотворении Д. Улзытуева «Балай хоохон юртэмсын...» (В пустоте Вселенной) [3, С. 13-14]. Поэтический космогонический миф смыкается с научной картиной мира: «*Балай хоохон юртэмсын / Галай тоохон хүлгөөн соо / Наранай нангин хэлтэрхэй, / Шуһанай заахан сэсэрхэй, / Галзуу дүлөөр амилһаар, / Газар болон ерээ гээ. / Түмэн жэлдэ гажарһаар / Түби болон хүрөө гээ*» (В беспросветной пустоте Вселенной / В клубящихся облаках огня и пыли / От солнца откололся маленький осколок / И каплей красной крови отлетел. / И, неукротимым пламенем дыша, / На свет явилась новая планета. / Из унылой тьмы тысячелетий / Возникнув, стала твердью Земли) [16, С. 230-240].

Таким образом, астронимы несут в себе авторское миропонимание и индивидуальные и универсальные характеристики бытия человека во Вселенной, наполняясь культурологическим содержанием.

Обсуждение

Мы следуем мнению Н.В. Подольской, заключающемуся в том, что астронимы – это наименования отдельных небесных тел, планет, звезд и т.д. [12, С. 41].

В монголоведении и тюркологии известны работы Э.У. Омакаевой [9], [10], Д.Д. Дондуковой (2003), С.В. Шойбоновой [18], Э.П. Бакаева (2006), Д.Э. Басаева [2], В.А. Бурнакова [4] о космических онимах.

Известно, что фрагменты древней культуры сохраняются сегодня в пословицах, фразеологизмах, метафорах, символах культуры и т.д.

В лингвокультурологическом аспекте мифологема рассматривается как операциональная единица анализа национальной картины мира. Мифологема – это «Лексическая единица знакового характера, выступающая как репрезентант свернутого текста мифологического содержания» [8, С. 210].

Заключение

В поэтических произведениях четко проявляется высокая стилистическая окрашенность названий небесных тел, очевидно, связанная с их недостижимостью с точки зрения людей, с обожествлением небесных тел.

Астронимы в бурятской поэзии осуществляют не только объективную (сообщающую), но и апеллятивную (призывную) и экспрессивную (выразительную) функцию.

Система небесных тел в бурятском языке является частью наивной картины мира, тесно связана с народными поверьями и мифологическими мотивами. Астронимы обожествляются, олицетворяются и выступают в качестве советчика, хранителя жизни и т.д. Космические онимы выступают и средством познания мира, и художественно-образным приемом.

Так, астронимы в поэтических произведениях отражают мифологическое сознание, менталитет народа. Отметим полифункциональность представленных онимов, связанную с обобщением человеческого, природного, космического бытия, что ярко демонстрируется в поэзии.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бардамова Е.А. Время в языковой картине мира бурят / Е.А. Бардамова. / отв. ред. Г.А. Дырхеева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2011. — 196 с.
2. Басаев Д.Э. Калмыцкие народные легенды и предания: дисс. ... канд. филол. наук / Д.Э. Басаев. — Элиста: КГУ, 2009. — 157 с.
3. Булгутова И.В. Мифологические мотивы в философской лирике Д. Улзытуева / И.В. Булгутова // Вестник БГУ, 2016. Вып. 5. — С. 12-19.

4. Бурнаков В.А. Традиционные астральные воззрения хакасов / В.А. Бурнаков, Д.Ц. Цыденова // Вестник НГУ. Серия: история, филология. — 2012. Вып. 7. — С. 270–278.
5. Дондогой Ц-Д. Энээхэн ногоон дэлхэй дээрэ / Ц-Д. Дондогой. — Улаан-Үдэ: «Буряад үнэн» хэблэлэй байшан, 2002. — 12 н.
6. Дондогой Ц-Д. Шамбалын сэсэгүүд / Ц-Д. Дондогой. — Улаан-Үдэ: «Буряад үнэн» хэблэлэй байшан, 2013. — 266 н.
7. Коновалова Н.И. Мифологема как свернутый сакральный текст / Н.И. Коновалова // Политическая лингвистика. — 4 (46). — 2013. — С. 209-215.
8. Мифы народов мира: энциклопедия / под ред. С.А. Токарева [и др.] — М.: Советская Энциклопедия, 1980. — 1147 с.
9. Омакаева Э.У. Культ созвездий и планет у монголов / Э.У. Омакаева // Этнокультурная лексика монгольских языков: сб. статей. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1994. — С. 44–49.
10. Омакаева Э.У. Тюркская и монгольская космоимия / Н.Б. Бадгаев // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. — Т. 3. — С. 120–121.
11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская / отв. ред. А.В. Суперанская. — Изд. 2-е. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
12. Рут М.Э. Словарь астроимов: звездное небо по-русски / М.Э. Рут. — М.: Российская академия наук, АСТ-Пресс, 2010. — 287 с.
13. Тагарова Т.Б. К лингвостилистической характеристике концептов наран «солнце» и хара «луна» в бурятском языке / Т.Б. Тагарова // «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа»: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Иркут. гос. Ун-та. Иркутск, 18-21 сент. 2018 г. // ФГБОУ ВО «ИГУ»: отв. ред. О.Л. Михалёва. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. — С. 177-188.
14. Улзытуев Д.А. Ая гангын орон / Д.А. Улзытуев. — Улаан-Үдэ :Буряадай номой хэблэл, 1974. — 295 н.
15. Улзытуев Д.А. Зохёолнуудай суглуулбари (III боти) / Д.А. Улзытуев [отв. ред. Л.С. Дампилова]. — Улан-Удэ: НоваПринт, 2016. — 472 с.
16. ФСБЯ — Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т.Б. Тагарова. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. — 565 с.
17. Хангалов М.Н. Собрание сочинений / М.Н. Хангалов ; под ред. Г.Н. Румянцева. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. — Т. I. — 551 с.
18. Шойбонова С.В. Ономастикон художественного произведения / С.В. Шойбонова, Л.В. Шулунова. — Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2004. — 191 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bardamova E.A. Vremya v yazykovoj kartine mira buryat [Time in the Linguistic Picture of the World of the Buryats] / E.A. Bardamova. / ed. by G.A. Dyrheeva. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing, 2011. — 196 p. [in Russian]
2. Basaev D.E. Kalmyckie narodnye legendy i predaniya [Kalmyk Folk Legends and Traditions]: dis. ...of PhD in Philology / D.E. Basaev. — Elista: KSU, 2009. — 157 p. [in Russian]
3. Bulgutova I.V. Mifologicheskie motivy v filosofskoj lirike D. Ulzytueva [Mythological Motives in the Philosophical Lyrics of D. Ulzytuev] / I.V. Bulgutova // Vestnik BGU [Bulletin of BSU], 2016. No. 5. — P. 12-19 [in Russian].
4. Burnakov V.A. Tradicionnye astral'nye vozzreniya hakasov [Traditional Astral Views of the Khakas] / V.A. Burnakov, D.C. Cydenova // Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya [Bulletin of NSU. Series: History, Philology]. — 2012. — No. 7. — P. 270–278 [in Russian].
5. Dondogoj C-D. Eneekhen ногоон delhej deere [On This Green Earth] / C-D. Dondogoj. — Ulan-Ude: «Buryaad үнэн» heblelej bajshan [Buryat Truth], 2002. — 12 p. [in Buryat]
6. Dondogoj C-D. SHambalyn sesegygd [Flowers of Shambhala] / C-D. Dondogoj. — Ulan-Ude: «Buryaad үнэн» heblelej bajshan [Buryat Truth], 2013. — 266 p. [in Buryat]
7. Konovalova N.I. Mifologema kak svernutyj sakral'nyj tekst [Mythologeme as a Folded Sacred Text] / N.I. Konovalova // Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. — 4 (46). — 2013. — P. 209-215 [in Russian].
8. Mify narodov mira: enciklopediya [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia] / ed. by S.A. Tokareva [et al.] — M.: Soviet Encyclopedia, 1980. — 1147 p. [in Russian]
9. Omakeeva E.U. Kul't sozvezdij i planet u mongolov [The Cult of the Constellations and Planets Among the Mongols] / E.U. Omakeeva // Etnokul'turnaya leksika mongol'skih yazykov: sb. Statej [Ethnocultural Vocabulary of the Mongolian Languages: Collection of articles]. — Ulan-Ude: BNC SO RAS Publishing House, 1994. — P. 44–49. [in Russian]
10. Omakeeva E.U. Tyurkskaya i mongol'skaya kosmonimiya [Turkic and Mongolian Cosmonymy] / N.B. Badgaev // YAzyki, duhovnaya kul'tura i istoriya tyurkov: tradicii i sovremennost' [Languages, Spiritual Culture and History of the Turks: Traditions and Modernity]. — Kazan: Tatar. Book Publishing House, 1997. — Vol. 3. — P. 120–121 [in Russian].
11. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [Dictionary of Russian Onomastic Terminology] / N.V. Podol'skaya / ed. by A.V. Superanskaya. — 2nd ed. — M.: Nauka, 1988. — 192 p. [in Russian]
12. Rut M.E. Slovar' astronomov: zvezdnoe nebo po-russki [Dictionary of Astronomers: Starry Sky in Russian] / M.E. Rut. — M.: the Russian Academy of Sciences, AST-Press, 2010. — 287 p. [in Russian]
13. Tagarova T.B. K lingvostilisticheskoj harakteristike konceptov naran «solnce» i hara «luna» v buryatskom yazyke [On the Linguistic and Stylistic Characteristics of the Concepts Naran "Sun" and Hara "Moon" in the Buryat Language] / T.B. Tagarova // «Prostranstva kommunikacii: yazyk, literatura, media»: Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu Irkut. gos. Un-ta. Irkutsk, 18-21 sent. 2018 g. ["Spaces of Communication: Language, Literature, Media": Intern. scientific conf.,

dedicated 100th Anniversary of Irkut. State University. Irkutsk, 18-21 Sept. 2018] // FGBOU VO «IGU» : ed. by O.L. Mihalyova. — Irkutsk: ISU Publishing House, 2018. — P. 177-188 [in Russian].

14. Ulzytuev D.A. Aya gangyn oron [Aya Ganga Country] / D.A. Ulzytuev. — Ulan-Ude : Buryaadaj nomoj heblel [Buryat Patterns], 1974. — 295 p. [in Buryat]

15. Ulzytuev D.A. Zohyoolnuudaj sugluulbari (III boti) — Sobranie sochinenij: [Collected Works]: in 3 vol. / D.A. Ulzytuev [ed. by L.S. Dampilova]. — Ulan-Ude: NovaPrint, 2016. — 472 p. [in Buryat]

16. FSBYA — Frazеologicheskij slovar' buryatskogo yazyka [FSBYA - Phraseological Dictionary of the Buryat Language] / compiler T.B. Tagarova. — Irkutsk: IGU Publishing House, 2014. — 565 p. [in Russian]

17. Hangalov M.N. Sobranie sochinenij [Collected Works] / M.N. Hangalov; ed. by G.N. Rummyancev. — Ulan-Ude : Buryat book Publishing House, 1958. — Vol. I. — 551 p. [in Russian]

18. SHojbonova S.V. Onomastikon hudozhestvennogo proizvedeniya [Onomasticon of a Work of Art] / S.V. Shoibonova, L.V. SHulunova. — Ulan-Ude: VSGAKI, 2004. — 191 p. [in Russian]